

Стань моей судьбой

Автор:

Элизабет Бойл

Стань моей судьбой

Элизабет Бойл

Очарование (АСТ)Хроники Холостяков #6

Люси Эллисон была незнатна и небогата, однако это не помешало Джастину Грею, графу Клифтону, влюбиться в нее, сделать ей предложение и поклясться, что свадьба состоится, когда он вернется с войны... если, конечно, вернется...

Война закончилась, Наполеон пал, Джастин благополучно вернулся на родину... и собирается жениться на богатой наследнице.

Боль, гнев и унижение охватывают оскорбленную в лучших чувствах Люси. Однако на самом ли деле граф предал их любовь? Возможно, в действительности все не так, как выглядит?..

Элизабет Бойл

Стань моей судьбой

Elizabeth Boyle

HOW I MET MY COUNTESS

© Elizabeth Boyle, 2010

© Перевод. Н.Н. Аниськова, наследники, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Глава 1

Мейфэр, Лондон

1815 год

Титул герцога Холлиндрейка перешел к майору Тэтчеру после смерти деда, а вместе с титулом – земли, дома и богатство. Но никто в свете ему не завидовал, поскольку он также унаследовал заботу о маркизах Стэндон, вдовах трех предыдущих наследников.

Две вдовушки, Минерва (жена Филиппа, дяди Тэтчера) и Элинора (жена его дяди Эдварда), соответственно дочери графа и барона, весьма надменны и заносчивы.

Третья леди Стэндон, урожденная мисс Люси Эллисон, вдова старшего брата Тэтчера, Арчибальда, заставляла свет терять дар речи. Или ошеломляла. В зависимости от дня недели.

Сегодня среда. Зажав в руке приглашение жены Тэтчера, знаменитой герцогини Холлиндрейк, Люси вышла из кареты на Брук-стрит с намерением продемонстрировать безупречное поведение и изысканные манеры. С этой целью она надела свое любимое платье из зеленого шелка и в настоящий момент обдумывала предстоящий разговор.

«Ваша светлость, я не понимаю, о чем говорит владелец гостиницы. Повреждено целое крыло? Но когда мы уезжали, пожар почти погасили».

Люси замерла на ступеньках. Нет! Так не годится. Из этого можно сделать вывод, что пожар возник по ее вине. Но никаких доказательств этому нет.

По крайней мере убедительных.

Она сделала глубокий вдох и продолжала обдумывать то, что скажет.

«Ах, ваша светлость, как вы чудесно выглядите! Письма? Какие письма? От Минервы? Осмелюсь сказать, она сильно ошибается. Я уже написала ей, что мы останемся в Ланкашире на весь декабрь. Откуда мне было знать, что она приедет в компании восьми человек и нас всех две недели будет заваливать снегом? Но это было очень милое, уютное и веселое Рождество».

Да, звучит так, будто у них всегда все замечательно, но это неправда.

Она понятия не имела о том, что у леди Гиллмор аллергия на миндаль? Или что лорд Уэйнрайт обидится, когда ему укажут на жульничество в картах? Или что мистер Маки предназначен для мисс Гиллмор?

Люси покачала головой. Испорченная девчонка! Да эта юная леди должна быть благодарна, что ей открыли глаза на то, каким негодяем оказался ее предполагаемый нареченный. Люси, разумеется, ни разу не намекнула этому мерзавцу на то, что желает видеть его в своей спальне.

По правде говоря, она с отвращением обнаружила, что он ждет ее, голышом развалившись в ее постели.

И если бы она одобряла его выходки, разве закричала бы и погнала его кочергой? Мисс Гиллмор и ее родители не поверили ей. Даже Минерва не поверила. И все потому, что она «эта леди Стэндон».

Томас Уильям, бывший слуга ее отца, выгружал багаж на тротуар.

– Вы уверены, что это подходящее место, мисс Люси? – Он настороженно посмотрел на простую дверь.

– Это ведь Брук-стрит? – ответила она, расправляя перчатки и проверяя, должным ли образом завязаны ленты шляпы.

– Да, – ответил он, водружая шляпную коробку на дорожный сундук.

– И номер дома, который назвал нам дворецкий его светлости?

Томас Уильям окинул скептическим взглядом невзрачный дом и прищурился.

– Да, этот. Но не нравится мне все это, очень не нравится. И ее вызов, и вся эта неопределенность.

– Мне тоже, – развела руками Люси. – Но что я могу поделать? Ведь она герцогиня. – «К сожалению...», – хотела добавить она.

– Да уж, от нее всякого можно ждать, – проворчал Томас Уильям довольно громко. Он так давно служил семейству Люси, что без угрызений совести высказывал свое мнение, особенно ей.

– Слишком ты мнительный, Томас Уильям, – упрекнула она его. Хотя сама не испытала приступов растерянности из-за внезапного вызова герцогини, вернее, «любезного приглашения», как милая Клапп, пожилая компаньонка Люси, охарактеризовала необходимость упаковать все имущество и со всем окружением явиться в Лондон.

Но теперь, когда они здесь, Люси собиралась смело выступить против львицы в ее собственном логове. Она снова вздохнула и вернулась к сочинению унылого перечня объяснений и извинений, которые могли бы избавить их от предстоящей расплаты. Поскольку Люси не знала, что будет делать со своим сомнительным сборищем иждивенцев без покровительства герцога Холлиндрейка, точнее, без благосклонности герцогини. Без собственного дома, с такими малыми средствами, что о них и говорить не стоит. У нее нет другой крыши над головой, кроме той, что может дать ей мало обещающее положение леди Стэндон.

Погруженная в размышления, Люси едва слышала, как открылась дверь, и не обратила внимания на торопливо спускавшегося по ступенькам мужчину, поскольку привыкла к расторопности слуг герцога.

Самое время кому-нибудь из лакеев помочь бедному Томасу Уильяму, подумала она.

Но чего Люси представить себе не могла, так это то, что мужчина не заметит на своем пути груды разнообразного багажа и, споткнувшись, приземлится рядом с Томасом Уильямом.

Ударившись, мужчина выпалил ругательство, из тех, которые не должны касаться нежного уха леди.

Но Люси даже не поморщилась: подобную лексику она слышала большую часть жизни, а теперь у нее полно новых забот.

– О боже! – вздохнула Люси, глянув на мужчину, который все еще лежал, схватившись за бок. Что она будет делать, если у него перелом?

Нетрудно представить себе неудовольствие герцогини от того, что один из ее лакеев не в состоянии выполнять свои обязанности из-за багажа Люси.

Это будет последней каплей, переполнившей чашу ее терпения.

Но к ее облегчению, мужчина быстро поднялся, отряхнул сюртук и гордо расправил плечи.

– Слава богу, – вздохнула она, поскольку мужчина, похоже, в полном порядке. – Извините, любезный, – обратилась к нему Люси. – Вы справитесь с теми тремя коробками? Они не так тяжелы, как кажется.

Отвернувшись от сцены своего последнего преступления, она собрала все свое мужество и как ни в чем не бывало стала подниматься по лестнице.

Но когда Люси поднялась на верхнюю ступеньку, у нее возникло неприятное чувство, что за ней следят. Она – дочь своего отца – резко повернулась и, ожидая увидеть лакея с багажом, оказалась нос к носу с призраком из ее прошлого.

Если не считать того, что он жив. Еще как жив.

Оказалось, что это не лакей, спешивший помочь им. Не слуга Холлиндрейка споткнулся о ее багаж. С выражением, которое она не могла разобрать, на нее

смотрел мужчина, которого она никак не ожидала снова увидеть.

Он! Собственной персоной! Граф Клифтон!

Она никогда не была способна расшифровать выражение его непостижимых синих глаз. И не могла справиться с сердцем, которое учащенно билось.

«Это он. Он, Люси. Это он».

Его вид заставил ее забыть о том, что сегодня среда, день встречи с герцогиней, что она теперь леди, даже маркиза, вдобавок вдова. И самое главное, Люси забыла, что ее поведение должно быть безупречным.

– Боже милостивый! Гилби, это вы? – начала задыхаться она, чувствуя, как дрогнули под платьем колени.

Она, Люси Эллисон, дрожит, как дебютантка. Воистину это поразительный день!

– Мисс Эл-лисон, – запнулся он, в его голосе не было прежней симпатии, которая когда-то была между ними.

Они стояли, уставясь друг на друга, и годы разлуки казались лишь мгновением ока.

«Я вернусь за тобой, Гусси. Обещаю. Ведь я люблю тебя!» – «Ловлю тебя на слове, Гилби, – поддразнила она его в ответ. – Если ты не вернешься, я сама тебя найду».

Но он не вернулся.

– Извините, – проговорил Клифтон. – Мне не следовало обращаться к вам по девичьей фамилии, но не знаю фамилии вашего мужа.

Она покачала головой.

– Вы все еще можете называть меня Люси, милорд.

- Тогда Люси, - согласился он.

Они снова уставились друг на друга, она упивалась его видом, сердце взволнованно билось, когда она вглядывалась в его все еще красивое лицо.

Когда-то она знала каждую его черточку, запомнила прежде, чем он уехал, и все эти годы хранила его облик в своем сердце. Но теперь... Было в его взгляде что-то незнакомое, чего она не могла понять.

И от этого мурашки побежали у нее по спине. Это не он!

Люси понимала, что нужно что-то сказать и перестать глазеть на него.

Не искать мужчину, которого она любит.

«Любила», - мысленно поправила себя Люси прежде, чем спросить:

- Что вы здесь делаете? Я не слышала, то есть не знала, что вы...

Она закрыла рот, чтобы не выставить себя полной дурочкой.

Особенно когда он отстранился от нее.

«Это всегда было, Гусси. Ты только не хотела в это верить», - зашелестел в ее ушах голос отца, назвавший ее детским прозвищем.

- Я здесь по делу. А вы? - спросил граф вежливо, как разговаривают со случайно встреченной старой знакомой.

«Как же, знакомая!» - подумала Люси, задетая за живое. Когда-то они были неразлучны. Провели незабываемую ночь, слившись так... Она даже не предполагала, что что-то сможет разлучить их.

И все же это случилось.

– Я тоже приехала в Лондон по делу, – выдавила она, озадаченная его холодностью. – Но что привело вас сюда, в этот дом? – Расправив перчатки, Люси снова посмотрела ему в глаза.

И надеялась...

– Старое дело. – Он оглянулся на дверь. – Но это окончилось ничем.

Глянув через плечо, она задавалась вопросом, какое дело у графа к герцогине, но прежде, чем пришла к какому-то заключению, прозвучала его следующая фраза:

– ... я некоторое время назад проезжал мимо дома в Хэмпстеде и обнаружил, что там никого нет. – Граф кивнул на Томаса Уильяма, потом снова повернулся к ней.

– Вы ездили повидать меня? – В сердце Люси вспыхнула надежда, но лишь на мгновение.

В эту секунду она решила, что видит тот прежний свет, ту дерзкую искру желаний в его пристальном взгляде. Тот свет, который, по давней клятве Клифтона, горел только для нее. Но, как и многое другое, это тоже оказалось неверным.

– Повидать вашего отца, – поправил граф. Потом замолчал и отвел взгляд, ему явно было крайне неловко от этой невероятной встречи.

Как будто он хотел, чтобы она скорее закончилась.

Или, хуже того, вообще не произошла.

Он снова взглянул на бывшего слугу ее отца.

– Рад видеть тебя, Томас Уильям. Надеюсь, ты здоров.

– Да, милорд, – натянуто ответил слуга, не отвечая на приветствие. Потом бросил на Люси взгляд, который обычно свидетельствовал о том, что она оказалась в затруднительном положении.

Она никак не могла понять, что навело Томаса Уильяма на такие мысли, пока он кивком не указал на карету. Вернее, на пассажиров...

- О господи, - прошептала она.

- Что-то не так? - поинтересовался граф.

- Нет, ничего. Я просто... я... вероятно, слишком злоупотребляю вашим временем.

- Нет-нет, - сказал он. - Я рад вас видеть. Это избавляет меня от необходимости искать вас.

«Он действительно хотел найти меня», - снова запели в душе победные трубы, хотя ликование, конечно, оказалось преждевременным.

- Я очень сожалею о смерти вашего отца и сестры, особенно узнав об этом от новых арендаторов. Эта случайная встреча дает мне возможность выразить вам соболезнования. - Граф посмотрел на Люси. - Уверен, потеря была для вас ужасной, особенно смерть Марианны... она была слишком молода, чтобы умереть. - Он сделал паузу, как и большинство людей, вспоминая Марианну. Она была кокетливой и веселой, во всем видела только хорошее, вот она-то могла быть герцогиней, и прелестной.

Потом граф заговорил тише, чтобы слышала только Люси, настолько тихо, что она подумала, будто его слова ей пригрезились.

- Это был настоящий удар, прийти в дом и увидеть, что там живут чужие люди.

Но Люси прокручивала в голове другую его фразу.

«... повидать вашего отца», - сказал он.

«Он приехал повидать твоего отца, Люси Эллисон Стерлинг, не тебя. Ты глупая гусыня, если решила, что граф Клифтон вернулся бы за невоспитанной, сумасбродной девицей вроде тебя... особенно спустя столько лет».

Голос, звеневший в ушах Люси, подозрительно напоминал леди Джениву, в высшей степени добропорядочную и чопорную тетюшку герцога Холлиндрейка, единственную из Стерлингов, кто считал своим личным долгом постоянно упрекать Люси, наставлять, писать уничижительные записки по поводу ее поведения.

«И не пялься на него так...», – добавила бы леди Дженива.

Что-то в Люси вспыхнуло, ее печально знаменитый нрав ожил. Возможно, родственники со стороны мужа слишком упрекали ее в последнее время или неожиданный вызов герцогини растревожил больше, чем она хотела признать.

Или, скорее, дело в Джастине Грее, графе Клифтоне, стоявшем перед ней с банальными соболезнованиями по поводу «ужасной трагедии». Это все, что он может сказать? Смерть отца и Марианны унесла все... все, что Люси любила. Графа она больше не числила в этом списке. Бросив на него взгляд, она постаралась подражать леди Джениве.

– Очень сожалею, что доставила вам беспокойство. Знай я, где вы или как с вами связаться...

И что тогда? Написала бы? Просила прийти ей на помощь?

Только чтобы разбередить старое горе? Вновь открыть уродливую правду, понять раз и навсегда, что она для него ничего не значила?

– Нет-нет, мисс Эллисон, это я должен извиняться, – возразил он. – Мне следовало раньше выразить сожаления.

Сожаления? О чем? Что целовал ее? Обещал вернуться? Или о той ночи в гостинице, когда они...

Люси прогнала прочь эту мысль. Сейчас не время. Она давным-давно осознала, какое место Клифтон занимает в ее сердце, – по крайней мере она так думала, пока несколько минут назад он не ввалился в ее жизнь.

И она еще переживала, что у него перелом!

Слава богу, этого не случилось, он достаточно здоров, чтобы уйти. И побыстрее. Нарастающая паника на лице Томаса Уильяма слишком ясно говорила, что нужно спровадить графа. И все же была еще одна тайна, которую Люси должна узнать.

Она дочь своего отца, а он всегда говорил: «Информация сохраняет жизнь».

Натянуто улыбнувшись, Люси поинтересовалась:

– И что привело вас на Брук-стрит?

Конечно, у отца была и другая любимая поговорка, у него они были на все случаи жизни:

«Знай, когда следует задавать вопросы».

– Я искал леди Стэндон... – начал граф.

– Леди Стэндон?

Люси бы меньше удивилась, если бы он объявил ей о любви до гробовой доски... и на этот раз вправду.

Вместо этого она в панике оглянулась на Томаса Уильяма, который осматривал багаж, словно решая, что схватить, если понадобится поспешно уехать.

Граф кивнул, взгляд его синих глаз настороженно сосредоточился на двери позади нее.

– Да, вы знаете ее?

– Я... я... я... – Люси беспомощно смотрела на Томаса Уильяма.

К счастью, граф совершенно не уловил причину ее растерянности.

– Я тоже так думаю. Леди только что послала меня куда подальше.

– Да? – осторожно ответила Люси, потом собралась и постаралась говорить беспечно. – Я имела в виду, что вы хотели от леди Стэндон? Она просто ужасна... – Люси демонстративно вздрогнула. – Так мне говорили.

Томас Уильям, покачивая головой, принялся собирать шляпные коробки и бросать их обратно в карету.

Замечательный человек Томас. Он знает, как она любит эти шляпы.

Клифтон сделал паузу и на мгновение всмотрелся в нее. В конце концов, он тоже ученик ее отца и, следовательно, знает все его поговорки.

– Одно старое дело. Не имеет значения. Должно быть, это ошибка, хотя непохоже, чтобы Страут так ошибся...

– Страут? – еле выговорила Люси. О господи! Томас Уильям, наверное, справится с меньшим сундуком. В нем ее лучшее платье.

– Да, мистер Страут, – повторил граф. – Но конечно, вы его знали. Какой я глупый. Он занимался делами вашего отца, не так ли?

Она лишь кивнула.

– Не понимаю, что общего у Малкома с этой ведьмой. Даже представить себе не могу, что он когда-либо встречался с ней. – Клифтон кивнул на дверь.

– Малком? – эхом отозвалась Люси. Господи, она превратилась в попугая. Надо сменить тему, и побыстрее.

– Да, вы ведь слышали о нем? – с трудом произнес граф. От боли в его голосе у Люси сердце сжалось, да так, что она едва не потянулась к нему, как сделала однажды в прошлом.

Вместо этого она стиснула руки и вежливо сказала:

– Слышала. Я с большим сожалением узнала о его... его... – О чем? О смерти? Она не могла это так назвать. Убийство. Его застрелили как контрабандиста на

берегу, около Гастингса.

Но Малком не был контрабандистом, он занимался важным делом.

Как и его брат...

Она запнулась, не зная, как закончить, и наконец быстро договорила:

– Я бы написала, но не знала, куда послать...

– Да, я понимаю. – Натянутый, официальный тон Клифтона снова резанул ее ухо.

О господи, смерть Малкома, должно быть, потрясла его...

Ситуация становилась все хуже и хуже, неловкость нарастала. Оба старались не смотреть друг на друга. И тогда Клапп, милая старая ворчунья Клапп, неожиданно пришла ей на помощь.

– Люси, это нужное место? – окликнула она из окна кареты. – Или я тут целый день торчать должна? Ты же знаешь, что этот ветер наделает бед.

«Вроде той, что уже случилась», – хотела добавить Люси, но вместо этого сказала:

– Пожалуйста, подождите, миссис Клапп. Мне нужно срочно разобраться в этом вопросе. – Она примирительно взглянула на стоявшего перед ней мужчину.

Это был ее Гилби!

«Граф Клифтон», – поправила она себя. Он больше никогда не будет ее дорогим Гилби. Разве она давным-давно не похоронила глупые мечты? Она вообще почти не думала о нем.

Ну если раз в день – это не часто.

– Боюсь, я должна...

– Да, вы должны позаботиться о своей хозяйке. – Взглянув на экипаж, граф сделал ошибочный вывод. Конечно, он считает ее неимущей и думает, что теперь, когда у нее никого не осталось, она должна сама о себе заботиться.

«Гусси, мужчины вроде него никогда не смотрят на девушек вроде тебя. Не так, как ты себе воображаешь», – эхом прошелестело из прошлого предупреждение отца.

Граф вежливо улыбнулся ей.

– Я рад видеть, что вы хорошо устроены, мисс Эллисон.

Не Люси. Не его Гусси. Но мисс Эллисон. Она уперлась каблуками в ступени, с трудом сдержавшись, чтобы не ударить его башмаком по голени.

– Если вам что-нибудь понадобится, вам или Томасу Уильяму, – продолжил Клифтон, – пожалуйста, без колебаний обращайтесь ко мне. Я в большом долгу перед вашим отцом.

Не перед ней. Перед ее отцом. Люси сжала губы, старая рана грозила обернуться чем-то худшим, чем безобразная сцена, когда она столкнет его со ступеней, как бродягу.

Нет, определенно случится нечто похуже. Она превратится в фонтан слез. Прямо здесь, на Брук-стрит. Перед доброй половиной Мейфэра.

Граф взял ее руку, быстро потрянул, потом также поспешно отпустил, повернулся к Томасу Уильяму, слегка приподнял шляпу и пересек улицу, где парень держал поводья большого черного коня.

Пока Клифтон уходил решительным шагом, Люси пыталась дышать. Старалась успокоить скачущее сердце.

«Позови его, Люси. Скажи ему правду. Поправь его. Скажи ему, кто ты. Вдова. Даже маркиза. Настоящая леди, достойная того, чтобы быть его...»

И что потом? Беспомощно наблюдать, как он заберет все, что она любила? Как разорвет в клочки то, что осталось от ее сердца? Кроме того, аристократ, который только что повернулся к ней спиной, был скорее незнакомцем, чем человеком, которого она когда-то знала.

Ее герой. Ее Гилби.

Вот еще! Он, как всегда говорил ее отец, «один из них».

Бросив юноше монету, граф легким движением вскочил на лошадь и поехал по улице, даже не оглянувшись. Оно и к лучшему, поскольку не успел он проехать полквартила, как дверца кареты открылась и на землю спрыгнула маленькая фигурка.

– Кто это, Люси? – Шестилетний мальчик, подойдя, взял ее руку в свою маленькую ладонь.

Ее другой скандал. Ее обожаемый малыш Микки.

Она сжала его пальцы.

– Старый друг.

– Шишка? – спросил мальчик.

– Микки! Ты выражаешься, как извозчик.

Мальчик стиснул зубы, по его мнению, извозчиком быть куда лучше, чем джентльменом.

– Ну ведь так?

– Да, – ответила Люси, стараясь сдержать вздох.

– Высокородный?

- Да, граф. Он герой, Микки. Он служил Веллингтону в Испании.

- Один из джентльменов папы Эллисона? - Микки с благоговейным трепетом оглянулся на всадника.

- Да, - сказала она. - Да, был.

- И он был твоим другом? - недоверчиво спросил он.

- Да.

- Он все еще твой друг? - с надеждой поинтересовался Микки, он вечно приставал к герцогу Холлиндрейку с расспросами об Испании, а теперь, возможно, появился новый человек, который щедро попотчует его рассказами о том, как перехитрили Наполеона.

- Боюсь, нет, - сказала она ему.

- Плохо. - Мальчик пнул ногой камешек. - На отличной скотине он ездит. И вид мне его нравится.

На этот раз Люси не поправила речь Микки, а с улыбкой посмотрела в его темные бездонные глаза и в последний раз взглянула на лорда Клифтона, прежде чем тот повернул за угол и скрылся из виду.

Поскольку и ей его вид нравился.

Хотя она так не думала, когда впервые его встретила. Честно говоря, он ей совсем не понравился.

Заносчивый, гордый и слишком высокомерный, на свою беду.

Как Люси жалела, что больше так не думает, - тогда было бы гораздо легче примириться с его появлением. Боль снова грозила разбить ей сердце.

Глава 2

Хэмпстед

Семь лет назад

– Куда она подевалась, черт побери? – сетовал Джордж Эллисон, шагая по своему просторному кабинету, который он по привычке называл «комната с картами».

Комната занимала половину третьего этажа, мансардные окна заливали ее светом, несмотря на хмурый день и барабнящий по стеклам дождь. Чугунная печь в углу согревала кабинет, придавая ему уют.

Это святилище под карнизом, больше подходящее для ученого или увлекшегося наукой джентльмена, было царством мистера Эллисона. Сейчас он метался, как лев с занозой в лапе, и то и дело ударял тростью в пол, словно срывая зло из-за потерянной карты.

Джастин Грей, граф Клифтон, глянув на своего сводного брата Малкома, пожал плечами.

«И это тайный руководитель английской разведки?»

«Создатель грандиозной неразберихи», – почти услышал он мысль Малкома.

У этих двух мужчин были разные матери, но оба унаследовали решительный нрав и целеустремленность отца. Благодаря этим чертам характера им предстояло перебраться через пролив на континент и заняться, как любил говаривать их прославленный начальник мистер Пимм, «другим делом Англии».

Но сначала они должны были выдержать экзамен у стоявшего перед ними мужчины.

Мистер Эллисон с тростью прошелся вдоль стены, где в ячейках хранились свернутые карты всех видов. Карты городов, маршруты почтовых карет, старые

пергаменты, в слабых линиях которых только пастухи могли узнать тропинки, но для человека, которому предстоит проскользнуть мимо наполеоновской стражи и войск, такие знания могли оказаться неоценимыми, даже спасительными.

– Возможно, если... – начал Малком, но его прервал взмах трости и выражения, от которых даже у бывалого матроса запылали бы уши.

– Куда, черт побери, эта девчонка сунула мою карту? – бушевал Эллисон. От последовавшего за этим потока проклятий граф и его брат поежились.

От подобных выражений у мужчин уши вяли, что уж говорить о «девчонке», потерявшей карту.

Когда она появилась, Клифтон пожалел девушку. Впрочем, если она служит в этом доме, то скорее всего привыкла к лексикону мистера Эллисона.

Так что братья продолжали изучать новые словесные обороты, стоя навтыяжку, поскольку им не предложили сесть.

Возможно, размышлял Клифтон, этот урок сквернословия тоже был частью их посвящения в службу. Обряд, который должен безропотно вытерпеть каждый джентльмен, лишь бы получить привилегию служить своей стране.

– Я ее выгоню. – Эллисон грозил им пальцем, будто они имели какое-то отношение к пропаже карты. – Выгоню!

– Сэр, могу я... – Клифтон шагнул вперед и протянул руку.

– Нет! – рыкнул Эллисон, его трость взлетела на изготовку. – Не касайтесь карт.

Клифтон отступил и занял место рядом с усмехавшимся Малкомом. Когда они росли, тростью обычно пороли Малкома, а не Клифтона.

Так что его брату, без сомнения, доставило удовольствие редкое зрелище, когда высокородного графа Клифтона отчитали, как нашкодившего мальчишку.

Никогда в жизни граф не приходил в такое замешательство, как в последний час. С того момента, когда огромный темнокожий слуга Томас Уильям открыл дверь в обитель мистера Эллисона и уставился на них с братом, словно раздумывая, не разрезать ли их на куски, облачко сомнения закралось в душу Клифтона. Целых двадцать минут им пришлось дожидаться на ступеньках под дождем, словно сборщикам подати, и это тоже не улучшило его настроения. Словно нужно оценивать, достоин ли он быть допущенным в логово этого безумца.

Он граф Клифтон, черт побери, и этого достаточно.

Пока они ждали, когда мистер Эллисон найдет карту, снизу доносились голоса слуг, которые спорили.

По крайней мере Клифтон полагал, что разногласие внизу возникло между слугами, поскольку никогда не слышал, чтобы леди так повышала голос, почти переплюнув тираду Эллисона о состоянии его бумаг.

– Чертова девчонка! Шкуру с нее спущу, если она снова к ним притронется. – Эллисон подошел к двери и рывком распахнул ее. – Иметь дело с женщинами и джентльменами – это гибель, – объявил он и крикнул в открытую дверь: – Люси! Иди сюда. Сейчас же!

За этим последовал громкий удар трости.

Эллисон повернулся к гостям и, моргая, как сова, недоуменно посмотрел на них сквозь очки. Потом, словно осознав наконец их присутствие, довольно любезно заговорил:

– Собрались в Португалию?

– Да, сэр, – ответил Клифтон. Не в море, как большинство Греев до него, даже не командовать войсками, как некоторые из его более отчаянных предков. Нет, он решил нарушить благородную семейную традицию доблестной (а значит, явной и открытой) службы королю и Англии, и отважился стать шпионом.

Он представил себе, как на кладбище Клифтон-Хауса покойники в гробах переворачиваются от столь плебейского выбора. Грей рыскает, словно простолюдин? Нечист на руку? Это невыносимо!

И все же он здесь, сам не понимая, почему так далеко зашел. И что его ждет впереди...

В неожиданно воцарившейся тишине Клифтон поднял глаза и увидел, что Эллисон внимательно смотрит на него.

Клифтон чуть шевельнулся, гордо расправил плечи и выпрямился во весь рост.

На стоявшего перед ним мужчину это не произвело впечатления.

– Пимм, должно быть, спятил, – проворчал Эллисон. – Но кто я такой, чтобы спорить с ним? – Он снова принялся рыться в картах, бормоча что-то себе под нос.

Клифтон поежился. Это был Джордж Эллисон. Тот самый Джордж Эллисон. Человек, слывший величайшим английским агентом прошлого века, пока его не ранили в ногу в Париже. Человек сомнительного происхождения и еще более сомнительной чести, но тем не менее в определенных кругах его ценили как самого блестящего руководителя тайной разведки.

И теперь он служил своей стране, готовя надежных агентов. Клифтон знал, что без заключительного одобрения Эллисона ему и Малкому не позволят уйти с британской земли.

– Уверяю вас, сэр, у нас есть воля и решимость, – сказал Малком.

Эллисон перестал мерить шагами комнату, повернулся и, прищурившись, пристально посмотрел на Малкома.

– У вас?

– Разумеется.

– Случалось ли вам совершить убийство?

– Разумеется, нет, – покачал головой Малком.

Эллисон поглядел на обоих, и от его взгляда у графа по спине побежали мурашки.

– А можете?

Клифтон не нашелся что ответить на этот вопрос.

Эллисон снова начал мерить шагами кабинет.

– Бегать с берега на берег – детская забава. Моя дочь Марианна много раз это делала. Вы отправляетесь в Португалию, олухи, а не в Гастингс. Тоже мне решимость! – Эллисон бросил взгляд на дверь. – Где эта девчонка, черт побери? Люси! – крикнул он.

Дверь открылась, и вошла молодая леди. И хотя граф Клифтон, судя по зычным приказам мистера Эллисона, ждал появления судомойки или экономки, вошедшей в кабинет девушки он не ждал, так же как и сам Джордж Эллисон.

Ее роскошные, черные как смоль волосы были подняты к макушке, шпильки едва сдерживали их. Цвет ее волос наводил на мысль о роскошных куртизанках, итальянской живописи и экзотических гаремах.

Но иллюзия быстро развеялась. На мисс с сияющей короной волос было простое муслиновое платье, на плечи она накинула полинявшую фуфайку с заплатами. Из-под не слишком опрятного подола выглядывали поношенные башмаки, а на руках – митенки, поскольку в остальной части дома было довольно холодно. Картину довершали пятна сажи на носу и подбородке.

Бросив взгляд на Клифтона и его брата, девушка подбоченилась.

– Зачем так орать? Я не глухая.

Она пересекла комнату и стряхнула руку Эллисона с карты, которую он разворачивал. Сняв перчатки, она вытерла пальцы о юбку – можно подумать, что от этого они стали чище! – свернула карту и убрала.

– Сомневаюсь, что тебе нужен Париж.

В голосе звучала бесцеремонная нотка презрения, будто девушка, как и сам Эллисон, отнеслась к гостям с той же небрежностью, с какой только что отложила неподходящую карту.

Оглянувшись, она окинула их взглядом, оценивающим и в то же время пренебрежительным.

– Почему бы не начать с того, что они попытаются добраться до берега. – В ее словах не было ни малейшего сарказма.

Эллисон хохотнул, если это можно назвать смехом. Но язвительные слова его позабавили.

– Успокойся, девочка, у них есть благословение Пимма. Мы должны обучить их.

В ответ она снова неодобрительно фыркнула.

Клифтон выпрямился. Одно дело – терпеть пренебрежение от человека уровня Эллисона, и другое – от простой служанки. Он открыл было рот, чтобы возразить, но Малком слегка толкнул его локтем.

«Не лезь в спор, маленький братик», – просил он взглядом.

– Следует начать с Лиссабона, – произнес Эллисон, – но я не могу его найти, черт побери.

– Вот. – Девушка тут же вытащила нужную карту. – Что-нибудь еще? – Она снова подбоченилась и опять через плечо посмотрела на Клифтона, в ее ярких зеленых глазах вдруг вспыхнули веселые огоньки.

Затем ее взгляд упал на натекающую с ног Эллисона лужу и грязные следы сапог на ковре.

Она грозно посмотрела на него, словно хотела сказать: «Не ждите, что я стану это чистить».

Клифтон уставился на властную особу. Впервые в жизни он встретил такую женщину.

Видел подобных только в трактирах.

Однако он не мог отвести от нее взгляд, какая-то искра этой Люси посмела проникнуть в его грудь.

Она, с ее черными волосами и вспыхивавшими глазами, была по-своему хорошенькой. Но держала себя так, что мужчина должен был обладать крепкими нервами, чтобы сказать ей это.

– Папа, у меня времени нет, нужно присмотреть за жарким, пудинг приготовить.

Папа?! Клифтон разинул рот. Эта девица – дочь Эллисона? Ничего более шокирующего он в жизни не слышал.

Нет, в мире Эллисонов это понятие никого не шокировало, быстро обнаружил он, услышав ответ ее отца.

– Да-да, конечно. Но прежде чем ты займешься обедом, сообщаю: я решил, что ты станешь новой любовницей лорда Клифтона. Что скажешь, Гусси? – спросил он дочь так небрежно, словно поинтересовался, достаточно ли в пудинге слив. – Ты хотела бы влюбиться в графа?

Люси через плечо глянула на стоявшего у двери мужчину. И быстро сжала губы, чтобы не рассмеяться при виде чрезвычайного потрясения, искажившего черты бедного графа. Граф, должно быть, он, поскольку другой мужчина, судя по его виду, не имел титула и состояния.

О господи! Он думает, что папа серьезно. И в панике ищет, как отказать ему.

Но ее женская сущность ощутила чувствительный удар по самолюбию.

«Могло быть и хуже», – сказала бы она ему, если бы второй мужчина, тот, что стоял у окна, судя по виду, брат графа, не произнес:

– Боже милостивый! Гилби, закрой рот. Ты похож на макрель. – Он расхохотался. – Сомневаюсь, что Эллисон серьезно.

Люси хранила молчание, как и ее отец. Эллисон уже составил дальнейшие планы относительно графа и его сводного брата и не считал нужным отвечать только из вежливости.

– Сэр, едва ли я могу... Я хочу сказать, как джентльмен... – начал граф.

Подняв брови и снова подбоченившись, Люси повернулась к нему. Такую позу она принимала, когда мясник пытался продать ей не слишком свежую баранину.

Мясник был чертовски хитер, не то что этот благородный джентльмен.

Клифтон судорожно сглотнул, отступил на шаг и оказался припертым к стене в буквальном смысле этого слова.

– Я имел в виду... мисс Эллисон... то есть я... – Он закрыл глаза и вздрогнул.

Содрогнулся!

Только леди могла на это рассчитывать.

Люси не спеша подошла, стряхнула с плеча его безукоризненного сюртука невидимую пушинку и одарила улыбкой.

– Не волнуйтесь, Гилби, – промурлыкала она, повторив фамильярное обращение вслед за его братом. – Вам не нужно спать со мной. – Она снова окинула его взглядом, от темных волос, четко очерченного аристократического подбородка,

широких плеч до длинных ног и безупречно начищенных сапог, потом направилась к письменному столу отца и еще раз глянула через плечо. – По правде говоря, вы не в моем вкусе.

Это действительно было правдой. Спору нет, граф Клифтон, пожалуй, самый красивый из всех мужчин, переступавших порог дома ее отца ради тайной работы для королевства, но Люси не нравились его надменные суровые черты.

«Он не подойдет, папа», – хотелось ей сказать. Люси считала себя отличным знатоком характеров, поскольку большую часть жизни наблюдала проходящих и уходящих агентов. Она знала их всех.

И как ни забавно немного поддразнить этого чопорного графа, тревога за него не покидала Люси.

Этот Клифтон должен малость поубавить надменности, если хочет остаться в живых, не говоря уже о выполнении задания, на которое его отправят.

Нет, он до мозга костей англичанин. Слишком гордый. Слишком... слишком... благородный.

Неизвестно, что ждет его в будущем. Полные благих намерений джентльмены – настоящая беда для министерства иностранных дел. С первого же взгляда Люси забраквала его. Потому что этот Клифтон, этот благородный граф, никогда не вернется в Англию, независимо от усилий ее отца натренировать его должным образом.

Он никогда не вернется!

«Меня это не волнует», – сказала она себе, повернувшись спиной к графу. Открыв ящик, она вытащила папку и вручила ее отцу, который все это время что-то бормотал над беспорядочно сваленными на столе бумагами и корреспонденцией.

– Думаю, тебе нужно это, – мягко сказала она.

Отец открыл папку, скосил глаза на вложенные в нее страницы и кивнул:

– Ах, да. Молодец, Гусси. – Он повернулся к Клифтону: – Почему вы так побледили? Я не жду, что вы лишите ее девственности, вы просто повезете ее любовные письма.

– Письма? – с трудом выговорил Клифтон.

– Да, письма, – объяснила Люси. – Я напишу вам зашифрованные письма, будто я ваша любовница, и вы повезете их в Лиссабон. – Люси подошла к Клифтону и похлопала его по груди. – Вы будете хранить их у сердца. – Она помолчала и пристально посмотрела на графа. – Ведь оно у вас есть?

Глава 3

Несколько дней спустя мистер Эллисон кивком указал в сторону кухни.

– Замечательно! Ты собираешься уходить? Должен сказать, время выбрано отлично. Люси, девочка, будь умницей, возьми его светлость с собой.

Люси сердито посмотрела на отца из-под полей шляпки. Она точно знала, чего он хочет.

Но это не значит, что она хочет того же.

– Сегодня? Сейчас? Хочешь, чтобы я тащила с собой лорда Добропорядочность? – Люси покачала головой. – Он не готов. – Надев перчатки, она взяла корзину, надеясь поскорее улизнуть.

– Люси! – предупредил отец. – Без графа ты из дома не выйдешь.

Проклятие! Она уже была в дверях, когда появился отец. А все потому, что Бесс заболела. И миссис Кьюин, их кухарка, попросила спуститься в подвал за луком, задержав поход в деревню.

– Отправь его с Марианной, – сказала Люси. – Она превосходно справится с задачей.

– Нет, я хочу, чтобы на первую прогулку его отвела ты, – сказал отец, заходя в кухню. – Я все организовал. – Подойдя к столу, он тронул заварной чайник, проверяя, насколько он горячий. – Ах, миссис Кьюин, вы всегда знаете, когда я хочу чаю, – сказал он, одарив пожилую женщину улыбкой. Потом старый хитрец уселся за стол, как будто ничего особенного не происходит.

Но изгиб его губ и приподнятая бровь все объясняли. Он перехитрил дочь, и ему это явно нравилось.

Миссис Кьюин, растроганная лестью хозяина, переводила взгляд с него на Люси, потом быстро нырнула за угол в кладовую.

Трусиха, думала Люси, глядя ей вслед. Миссис Кьюин знала, что назревает ссора.

И была права.

Люси бесстрашно смотрела на отца, на что мало кто отваживался. Но это не значило, что она собиралась напасть первой, скорее, она подражала повадкам отца.

«Сразу определяй недочеты плана, и решение появится», – гласила одна из его заповедей.

– Ты не хуже меня знаешь, – без запинки произнесла Люси, – что Марианна сделает работу лучше. Я сама готова убить этого напыщенного болвана, подобно тем, кого ты отправил подкараулить его.

Как Люси и подозревала с самого начала, граф Клифтон оказался надменным и высокомерным аристократом.

Трижды в день Клифтон звонил, требуя принести чай. И если его не подавали сразу же после его звонка, дергал сонетку до тех пор, пока чай не оказывался перед ним.

Разве он не мог принести себе чай сам, как все остальные в доме? Он отдавал ей стирать свои галстуки, поскольку ему не нравилось, как их выстирала девочка в гостинице.

Таскал грязь.

Разве этот тип не знает, как пользоваться скобой для чистки обуви у дверей?

А каким тоном он с ней разговаривал! Будто снисходит до нее.

«Мисс Люси, проследите, чтобы это письмо отправили...»

«Мисс Люси, пошлите за...»

Как будто ей нечего делать.

Люси стиснула зубы. Нет, она его не любит. Нисколько.

Отец, обдумывая ее предложение, покачал головой.

– Я хочу, чтобы с ним пошла ты. Ты отлично справишься с работой. Ты же знаешь, как твоя сестра боится крови.

Кровь?

Люси оживилась. Образ избитого лорда Клифтона, хромящего к дому, возник в ее воображении. И согрел ей сердце.

Возможно, несколько синяков сделают этого высокомерного типа подходящим для дела.

Или хоть немного собьют с него спесь.

Отец неправильно истолковал ее улыбку.

– Да, ты поняла мудрость этого решения. Помнишь, каково было бедному Безумному Джеку, когда Марианна вывела его? – Покачав головой, Эллисон кивнул дочери. – Я не очень волнуюсь за его светлость, но не хотел бы, чтобы Расти и Сэмми пострадали. Они хорошие ребята.

Расти и Сэмми? Люси поставила корзину.

– Ты отправил в засаду этих двух головорезов и волнуешься за их безопасность?

– Да. – Отец потянулся за другим бисквитом. – Я знаю, ты считаешь Клифтона занудным болваном, но, думаю, он удивит тебя, Гусси. Он себя еще покажет. – Отец откинулся на стуле. – Просто прежде ему никогда не приходилось быть самостоятельным. Но ты можешь научить его, моя девочка. У него есть характер и смелость, но он должен в это поверить.

Она фыркнула. Во что там верить? Лорд Приличия-и-Правила против Расти и Сэмми? Эта парочка выросла в трущобах Севен-Дайалс. Эти два закоренелых преступника шастали по темным переулкам Лондона, пока ее отец не предложил им законную работу, на которую они способны.

Звякнул колокольчик над дверью, Люси не надо было оборачиваться, чтобы узнать, кто дернул шнурок.

Он! Видимо, требует, чтобы ему принесли чай.

Люси, как и ее отец, не обратила внимания на нетерпеливое звяканье колокольчика. И миссис Кьюин, как заметила Люси, не слишком торопилась вернуться в кухню.

Пусть он граф, их кухарка не так глупа, чтобы высовываться, пока не уляжется пыль.

– Подозреваю, что он не слишком любезно отнесется к тому, что его проверяют, – беспечно продолжал отец, не обращая внимания на колокольчик и нарастающее волнение Люси. – Так что ты понимаешь, почему я хочу, чтобы ты была там. Ты ему хорошая пара. Ты сумеешь вразумить его, когда он обнаружит, что его послали на проверку.

«Ты ему хорошая пара...»

Люси отмахнулась от скрытого смысла этой фразы. Тоже мне хорошая пара! Это значит, что она и граф подходят друг другу, что у них есть нечто общее.

Ничего подобного. Этот человек не способен стать агентом короля. Он напрасно тратит драгоценное время ее отца.

Красивый, богатый и испорченный – таков граф Клифтон. Он не способен послужить королю и стране, это стало ясно, как только он переступил порог их дома.

«Но все это может закончиться теперь, Люси», – зашелестел внутренний голосок. – «Позволь ему отведать реальной опасности, и он вернется в Лондон еще до наступления вечера».

Тогда папа и мистер Пимм поймут то, что для нее было совершенно ясно с самого начала: граф Клифтон никакой не герой.

– Где, черт побери, эта девчонка с кухни? – возмутился Клифтон. – Хозяйство в доме ведется крайне небрежно.

Малком поднял глаза от бумаг.

– Ты бы сам мог спуститься, – предложил он, но по его тону было ясно, что само предположение весьма забавно. – Вероятно, мисс Люси была бы приятно удивлена, узнав, что ты не такой величественный, каким любишь себя изображать.

Клифтон повернулся к нему.

– Я не величественный!

– С тех пор как мы оказались здесь, ты стал заносчивым и надменным, таким я тебя не видел, – рассмеялся Малком. Граф молчал. Брат продолжил: – Я бы даже сказал, что ты умышленно изводишь девушку. Разве не так?

– Ничего подобного. – Клифтон дернул галстук. Он вдруг подумал, что она подсыпала в крахмал песок. – Просто манеры этой мисс Люси могли бы быть более подобающими. – Прислонившись к стене рядом с сонеткой, Клифтон скрестил руки на груди.

Брат фыркнул:

– О, ты, конечно, ею командуешь, но не стоит сверх меры провоцировать эту девицу. Она дочь Эллисона до мозга костей.

– И что, по-твоему, она может сделать? – отмахнулся Клифтон. – Она всего лишь девчонка.

– Не знаю, – покачал головой Малком, – но не хотел бы я подвернуться ей под горячую руку. Это всего лишь братский совет. – Он закрыл книгу. – Как жаль, что она не похожа на свою сестру. Ах, очаровательная мисс Эллисон.

Клифтон покачал головой.

– Я бы сказал, что от нее одни неприятности.

– Она восхитительная сорвиголова, – усмехнулся Малком.

У Клифтона не было никаких сомнений, почему Эллисон держит свою старшую дочь здесь, в Хэмпстеде. Стройная, грациозная, с озорными искрящимися глазами, светлее, чем ее сестра Люси, Марианна Эллисон само совершенство.

– И хорошо это знает, – заметил Клифтон. – Похоже, ни одна из сестер здесь не котируется.

– Это странно, – согласился Малком. – Здешние молодые люди, должно быть, слепые.

Или так хорошо осведомлены о туманном прошлом Джорджа Эллисона, что предпочитают держаться подальше от его дочерей.

– И все же, – продолжил Малком, – я полагаю, что Хэмпстед тебе нравится куда больше, чем Лондон в разгар светского сезона. Тут никто не пытается навязать тебе свою дочь. Да тебе радоваться надо, мы далеко и через две недели уедем еще дальше. Ну что с тобой? Что-то не так?

– Ничего. – Граф оглянулся на сонетку, решая, дернуть ли ее еще раз. – Все... Ты уверен, что именно этим хотел заниматься?

– Да, конечно. Мне нравится делать что-то полезное.

Идея работать на министерство иностранных дел и отправиться на континент принадлежала Клифтону. И теперь ответственность этого решения начинала давить на него. Что если они не вернуться? Если провалятся?

Что если он окажется недостойным своих предков, героев и победителей?

Презрение в глазах мисс Люси так много говорило всякий раз, когда она смотрела на него. Похоже, она верит в его карьеру шпиона не больше, чем в то, что их старая кухарка может командовать батальоном.

Дерзкая девчонка.

Он никогда таких не встречал. Она способна камня на камне не оставить от его уверенности. И почему она его так раздражает?

Поскольку она не похожа на других...

Не льстивая мисс. Не улыбающаяся дебютантка.

Прямые и весьма дерзкие высказывания Люси Эллисон застали его врасплох.

Да, будь он честен, он даже мог бы признать, что находит ее немного интригующей... с этой великолепной копной волос и открытым, слишком честным взглядом.

– Пожалуй, я был ослом в какой-то мере, – признал он.

– В какой-то мере? – поддразнил брат. – И не смотри на меня так. Ты, конечно, не столь надменный, как наш отец, но брюзга. – Малком сделал паузу. – Возможно, тебе нужно подружиться с девчонкой из гостиницы. Как ее зовут?

– Я не спросил.

Малком пожал плечами.

– Она, похоже, весьма расположена к знакомству.

– Да уж. – Клифтон покачал головой. – Но она не в моем вкусе и немного старовата, тебе не кажется?

– Я надеялся, ты не заметишь, что она не первой молодости, – озорно блеснул глазами Малком, откинувшись на стуле. – А как насчет мисс Люси? В конце концов, она твоя новая любовница.

– Люси Эллисон? – пробормотал Клифтон, оттолкнувшись от стены. – Ты с ума сошел?

К его неудовольствию, Малком расхохотался:

– Она ведь тебя раздражает. Знаешь, так забавно за вами наблюдать. Кружите друг вокруг друга, как коты.

– Малком, – предупреждающе произнес граф.

– И она хорошенькая. – Потянувшись, Малком закинул руки за голову.

– Хорошенькая маленькая выскочка, если хочешь знать, – ответил граф. Его брат снова рассмеялся, что ничуть не ослабило замешательство Клифтона. – И как это ты находишь этот дом таким удобным?

Малком подался вперед.

– А! На этот раз преимущество на моей стороне. Если хочешь знать...

– Хочу.

– Полагаю, потому что я незаконный сын. Так что здесь я на равных.

– Теперь понятно. Похоже, я столкнулся с английской версией лозунга «Свобода, равенство, братство».

Малком рассмеялся, ничуть не обидевшись, что его обозвали якобинцем.

– Берегись, иначе эта мисс Эллисон решит организовать собственный Конвент.

– Удивляюсь, что Пимм не отправил ее к французам, – заметил Клифтон. – Она бы их сильно притормозила своей придирчивостью.

– Не знай я тебя, – Малком, взяв книгу, беспечно перелистывал страницы, – сказал бы, что тебе нравится ее подкалывать.

– Ничего подобного.

– Возможно, ты злишь ее только для того, чтобы...

Клифтон погрозил брату пальцем.

– Даже не думай. Такой невоспитанной девицы я в жизни не встречал. У меня нет ни малейшего желания затащить ее в постель.

Пожав плечами, Малком продолжал перелистывать толстую книгу, отыскивая потерянное место. Не поднимая глаз, он сказал:

– На самом деле это не важно. Твое высокое положение не произвело на нее никакого впечатления. Наверняка она не легла бы с тобой в постель, даже если бы ты ее хотел.

Стрела угодила в цель. В словах Малкома была доля правды.

Мисс Люси Эллисон с Хэмпстедской пустоши смотрела на него так, будто ждала, что он потерпит неудачу прежде, чем доберется до пролива. Если он вообще сумеет добраться до Гастингса, – будто говорил ее косой взгляд.

– Я могу это сделать, – громко заявил Клифтон.

– А кто сказал, что не можешь?

Малком любезно не поднял глаз. Но сбил брата с толку своими словами. На здравомыслящего Малкома, как и на мисс Эллисон, происхождение и титул не производили впечатления. Возможно, именно поэтому мать Клифтона никогда не возражала против того, чтобы ее сын рос вместе со сводным братом.

Она полагала, что это даст Клифтону возможность познать обычный мир, который иначе ускользнет от него, как ускользнул от его отца. Происхождение отделяло старшего Грея от меняющегося современного мира, в который новый век толкнул Англию.

Незнакомое общество, Люси Эллисон, отрицавшая все и вся, – все это было для него внове.

Клифтон переминался с ноги на ногу, незнакомые болезненные ощущения охватили его.

– Где, черт побери, горничная с подносом?

– Иди сам возьми, – предложил Малком. – Кстати, ты когда-нибудь сам приносишь себе чай?

Как ни отвратительно ему было это признавать, граф покачал головой.

– Сделай доброе дело, – посоветовал брат, – спустись вниз. Попытайся очаровать ее.

Клифтон уже повернулся к двери, но последние слова Малкома остановили его.

– Что-о-о?

- Очаруй ее. Покажи ей, что ты не напыщенный болван.

- Я не...

- Нет, конечно, нет. - В глазах Малкома вспыхнули веселые огоньки.

- Ушам своим не верю! Ты предлагаешь мне очаровывать эту... эту...

- Хорошенькую леди?

- Скорее, ведьму, - ткнул пальцем в воздух Клифтон.

- Ведьма? Думаю, это лучше, чем гарпия. Очаруй ее, Гилби. Если сумеешь.

Клифтона возмутило такое оскорбление.

- Я могу любую леди очаровать. - Ответное громкое фырканье еще сильнее задело графа. - Что это значит?

Малком откинулся на стуле.

- Только то, маленький братик, - Малком порой любил напомнить Клифтону, что тот хоть и наследник, но моложе, - что флирт не самая сильная твоя сторона.

Граф открыл было рот, чтобы возразить, но сказать было нечего. В словах Малкома есть доля правды.

И значительная.

- Иди, попрактикуйся с Люси, - посоветовал Малком. - Нет, не надо слов. По испуганному выражению твоего лица я вижу, что ты не понимаешь, почему я это предложил. Но скажи мне, Гилби, разве ты хоть раз не задумывался, как выглядит ее роскошная грива, освободившаяся от шпилек?

- Нет, не задумывался, - солгал граф. - Ни разу.

– Я так не думаю, – рассмеялся Малком. – Это было бы по меньшей мере странно, не правда ли?

Да уж, подумал Клифтон, спускаясь с черной лестницы. Весьма странно. Девушка, с ее черными локонами, каскадом падавшими на белые плечи, походила на сирену.

Она настолько обворожительна, что любого соблазнит пробить брешь в стенах ада.

Спутаться с этой фурией равносильно тому, чтобы оказаться в преисподней, размышлял он, задержавшись на площадке. До его ушей донесся разгоравшийся в кухне спор.

Клифтон всегда считал подслушивание ниже своего достоинства, но в его новой профессии это просто необходимо.

Граф неслышно шагнул ближе, и не потому, сказал он себе, что горячий, серьезный тон мисс Люси возбудил его любопытство.

– Ты совершенно ошибочного мнения о нем, папа, – говорила она. Клифтон почти видел ее упертые в бока руки, решительный блеск в глазах. – Ты и Пимм, вы оба заблуждаетесь. Помани мое слово, он заносчивый, высокомерный, властный...

Клифтону не нужно было строить догадки относительно объекта ее обвинений. Он больше удивился бы, услышав в свой адрес ее похвалу своим достоинствам.

– Хватит, Гусси, – донесся снизу смех Эллисона. – Я знаю, ты его не любишь, но настаиваю, чтобы ты держала свое мнение при себе. И никаких фокусов с его жарким, – предупредил он так строго, что Клифтон представил себе, как Эллисон погрозил дочери пальцем. – Это тебе не лорд Роч.

– Позволю себе не согласиться, – фыркнув, пробормотала она.

У Клифтона голова пошла кругом. Роч?! Эта толстая задница? Этот дурак? Клифтон, оскорбившись, едва не вмешался в разговор. И все же любопытство и отчаянное желание доказать мисс Эллисон, что она не права, остановили его.

– О, конечно, Роч был неудачным выбором, но я тебе гарантирую, что... – начал Эллисон.

– И такой же самоуверенный, как этот тип, которого Пимм навязал нам. Мистер Грей вполне преуспеет, но граф... папа, я думаю, ты ошибся. – Шумное фырканье завершило ее фразу.

– Ну-ну, Гусси, слишком уж ты сурова. У Клифтона твердый характер. Он тебя еще удивит. Попомни мое слово.

Послышалось шуршание соломки и лент – видимо, мисс Люси возмущенно потрянула головой и ее шляпка съехала. С темной лестничной площадки снова донесся смех Эллисона.

– Тебе просто неприятны его манеры и то, что он не заигрывает с тобой.

– Папа! – запротестовала Люси. – Это смешно! Я не хочу этого человека...

– Ну-ну, – с укоризной произнес отец. – Думаю, дело в том, что граф единственный из мужчин, переступавших наш порог, не влюбился в тебя.

– Ты знаешь, что меня это не интересует, – возразила Люси.

– Да, знаю. Но однажды заинтересует, и я со страхом жду этого дня.

– Ну, что касается графа Клифтона, на мой счет тебе нечего бояться. – Снова раздалось фырканье, которое делало Люси похожей на бабушку Малкома. Жена кузнеца, эта крепкая женщина могла гнуть железо голыми руками.

– Хорошо, – примирительно сказал мистер Эллисон.

Клифтон едва сдержался, чтобы не ворваться в кухню с намерением согласиться с дочерью этого человека.

Ее отцу нечего опасаться на его счет.

Подумать только, Люси Эллисон! Клифтон вздрогнул.

– Поскольку он не возьмет тебя, Гусси. Ни один из них не возьмет. Благородным образом, – вздохнул Эллисон. – Я вырастил вас обеих как леди...

Услышав это, Клифтон вскинул бровь. Люси Эллисон леди? Он хотел поправить ее отца, но не стал этого делать.

– ... ни на секунду не думай, что кто-то из них закроет глаза на твое происхождение, уж такие они, и не важно, что они говорят, чтобы очаровать тебя.

– Я не из тех, кого можно очаровать, папа.

Совершенно верно, подумал Клифтон.

– Так-то оно так, Гусси. Ты не выносишь этого человека и ясно дала ему это понять, но суть в том, что Пимм хочет, чтобы мы его обучили, и мы это сделаем.

Наступила тишина. Ее нарушил тихий женский вздох.

– Так ты сможешь? – спросил ее отец.

Судя по звуку, корзину плюхнули на стол.

– Да. Ты же знаешь, что помогу. И дядя Тоуд хочет...

Дядя Тоуд? Она назвала Пимма, руководителя шпионской сети Англии, самого страшного человека в министерстве иностранных дел «дядя Тоуд»?

Не успел Клифтон это переварить, как мисс Эллисон снова закусил удила.

– Должна признаться, что не прочь посмотреть, как этому надменному типу прищемят хвост...

– Гусси, – предостерег ее отец.

– Папа, ты всегда говоришь, что уроки смирения самые трудные. Осмелюсь сказать, для графа сегодняшний урок будет самым горьким. – Помолчав, она добавила: – Все может обернуться довольно скверно!

«Именно на это ты и надеешься, дерзкая девчонка. – Клифтон выпрямился. – Значит, хочешь посмотреть, как мне прищелят хвост, да?» Им овладело ледяное спокойствие. Она убеждена, что он не пройдет испытание, столкнувшись с опасностью, не так ли? Он кое-что ей покажет, этой самонадеянной мисс.

Громко кашляя, Клифтон спустился вниз и вошел в кухню.

– Я звонил, чтобы принесли чай, но так и не дождался его. – Сделав паузу, он оглядел семейную сцену, затем повернулся к мисс Люси и поднял бровь, словно указывая, что ей следовало об этом позаботиться.

Люси наверняка жалела, что не может опрокинуть чайник кипятка на голову Клифтону.

– Ах, Клифтон, вы как раз вовремя, – сказал Эллисон. – У меня к вам просьба.

– Конечно, сэр. – Он слегка наклонил голову. – Чем могу быть полезен?

– Гусси нужно сходить в деревню по просьбе миссис Кьюин, но, увы, с ней некому пойти. Бесс приболела... миссис Кьюин занята... Марианна и Томас Уильям ушли... – Он запнулся и вопросительно посмотрел на дочь.

– ... разносить продукты бедным, – закончила Люси скромным тоном дочери священника.

Хоть Марианна Эллисон щедрая и дружелюбная девушка, Клифтон поставил бы годовой доход, что она так же занимается благотворительностью, как грабит почтовые кареты.

– Вы согласились бы, милорд, проводить мою девочку до деревни? – спросил Эллисон. – Не люблю, когда мои дочери рискуют выходить без сопровождения.

Клифтон украдкой взглянул на дочь старого шпиона. Девушка была хороша и казалась столь же невинной, но в ее глазах вспыхивали опасные огоньки.

Она подзадоривала его отказаться.

Но мисс Люси, при всей ее гордости и предубеждении, не знала, что он любил хороший вызов.

Почти так же, как любил побеждать.

– Конечно, сэр, – ответил Клифтон. – С моей стороны было бы крайне небрежно позволить молодой леди отправиться без сопровождения.

«По крайней мере узнаю, что вы двое для меня приготовили».

Выйдя из дома в обществе графа Клифтона, Люси оказалась в противоречивом положении.

– Окажите мне честь, мисс Люси, – любезно сказал он, подав ей руку.

– Люси, милорд. Пожалуйста, зовите меня Люси, – ответила девушка, когда он аккуратно устроил ее пальцы на своем рукаве, будто она настоящая леди и он вывел ее на прогулку в фешенебельный лондонский парк.

– Но, мисс Люси, – убеждал он, – я не хочу бросать тень на вашу репутацию, кто-нибудь может предположить...

– Боже мой! Лорд Клифтон, – с этим человеком она теряла всякое терпение, – никто не называет меня «мисс Люси». Так обращаются к сестре викария.

Повисла пауза, потом он спросил:

– И кто-то может спутать вас с сестрой викария?

Этот иронический комментарий огорошил Люси. Она взглянула на графа, чтобы выяснить, дразнит ли он ее или просто оскорбляет, но ни того ни другого не отразилось на его красивом лице.

– Погода замечательная, – беспечно продолжал он, открыв перед ней ворота, и они вышли на тропинку.

– Да, весьма, – ответила Люси.

– И часто вы ходите в деревню?

Люси оглянулась на него. Он что, действительно болван?

– Да, милорд. Каждый день.

– Невероятно! – ответил он. – Осторожнее, дорога, кажется, здесь неровная. – Он провел ее мимо опрокинутого камня.

«О боже, я не из фарфора сделана!» – хотелось воскликнуть Люси. Она безуспешно пыталась высвободить руку, но Клифтон положил сверху свою ладонь и крепко держал ее.

Господи, она ходила этой дорогой почти каждый день и чаще всего одна, поскольку в округе пяти миль не было парня, который не обходил бы Люси Эллисон за версту или испытывал к ней что-нибудь кроме уважения.

И поскольку она привыкла к независимости, ей крайне непривычно было идти в тени графа, ее пальцы попали в ловушку на его рукаве.

Он оказался выше, чем она хотела думать, и казался внушительным.

«Ну, не совсем внушительным», – думала она. Внезапно почувствовав неловкость, Люси смотрела на дорогу и задавалась вопросом, где спрячутся Расти и Сэмми.

Что, если ее отец прав и граф против них устоит?

Она покачала головой. Невозможно. Он избалованный аристократ. Вот и все.

Ее пальцы дрогнули на его рукаве, под ее перчаткой оказались твердые мускулы.

Что-то в ней затрепетало от этого ощущения.

«Ты так уверена, что он болван, Люси?»

– Вы всю жизнь жили в Хэмпстеде? – спросил граф.

– Извините, что? – Люси с трудом вернулась к реальности, ее взгляд рассеянно остановился на его предплечье.

– Хэмпстед. Вы жили здесь всю жизнь? – повторил он, улыбаясь, как будто говорил с ребенком.

– Большую часть жизни, – ответила она, немного смущенная ослепительной улыбкой на его красивом лице. – Я родилась в Риме, но воспоминания о нем стерлись из памяти.

Черт возьми, что это она разоткровенничалась?

– Рим, говорите? Как уникально, – объявил он.

«Не очень, если ваша мать итальянка», – хотела едко возразить Люси, но это только повлечет за собой разговор о матери.

Этой темы Люси старалась избегать и была рада наступившей тишине.

Наступившей лишь на минуту.

– Как любезно со стороны вашего отца доставить мне сегодня удовольствие находиться в вашем обществе, – продолжил граф прекратившуюся беседу. – По крайней мере я могу поговорить с вами наедине.

Наедине?! От этого слова мурашки побежали у девушки по спине.

Боже милостивый, что именно граф хочет сказать ей наедине, чего уже не сказал?

Возможно, он хотел высказаться о том, как она накрахмалила его галстук. Дважды. Или три раза? Она потеряла счет.

Она улыбнулась ему, готовясь к очередному властному требованию.

– Мисс Люси... – начал он.

Вот оно...

– Боюсь, начало работы получилось малообещающим, – продолжал он. – И полагаю, это целиком моя вина.

Люси заморгала. Она не ослышалась? Это подозрительно походило на извинение. В сокрушенном выражении его лица не было ни намека на сарказм или радость, которые выдали бы его намерения.

Черт возьми! Это действительно извинение.

Она снова взглянула на него. Нет, не может этого быть. Она, должно быть, чересчур туго завязала шляпку, или Расти и Сэмми уже стукнули его по голове, и она просто пропустила это событие.

– Мой брат сказал, что я был немного высокомерным... – продолжил он.

– Немного? – пробормотала Люси и только потом поняла, что произнесла это вслух.

Он снова улыбнулся ей, как будто не заметил ее грубой выходки. Яркий блеск его ослепительно белых ровных зубов и искренний свет в глазах способны любую леди сбить с толку.

Даже столь невозмутимую, как Люси. Во всяком случае, она всегда считала себя неуязвимой для чужого обаяния.

– Я хотела сказать, я не думаю... – Она запнулась, пытаясь восстановить самоконтроль. Трудно думать, когда он смотрит на нее так... так... о, черт, как будто он находит ее просто восхитительной.

Но он так не считает, сказала она себе.

И все же напыщенный лорд Клифтон извиняется.

– Да-да, я был очень заносчив. И как джентльмен, приношу вам, мисс Люси, мои искренние извинения, если чем-нибудь вас обидел.

Снова эта яркая мальчишеская улыбка. И сияет только для нее. Сердце Люси забилось быстрее.

О господи. И приспичило ему извиняться именно сейчас. Когда она ведет его в западню, устроенную отцом.

В ней нарастало чувство вины. Люси редко его испытывала, даже жульничая в картах.

А граф продолжал извиняться.

– Я был бы крайне бестактен, если бы оскорбил леди вроде вас, да еще и хорошенькую.

Люси медленно поправила шляпку и посмотрела на него.

К ее досаде, граф был весьма привлекателен.

Проницательные темные глаза, римский нос аристократа, решительный подбородок с глубокой расщелинкой под скульптурными губами.

Люси усталилась себе под ноги, поскольку ее сердце опять взволнованно забилося.

«Люси, не будь такой идиоткой».

Не важно, что граф задумал, Люси Эллисон не сомневалась, что, несмотря на все его сладкие слова и улыбки, он флиртует с ней не без причины.

Клифтон метал к ее ногам фальшивые монеты ложной лести в таком количестве, что можно трюм пиратского корабля заполнить, и если граф думает, что его красивые слова могут вскружить ей голову... нет, отвлечь ее...

Отвлечь?

Ноги Люси замерли, и он ошибочно принял ее мгновенную остановку за что-то другое.

– Я иду слишком быстро, мисс Люси? Вам нужно отдохнуть?

– Нет-нет, все в порядке, – быстро ответила она. Чертов тип... он почти убедил ее, что искренне сожалеет. – Спасибо за заботу, – добавила она, глянув на этого загадочного мужчину, и обнаружила, что его пристальный взгляд сосредоточен на ней. – Пожалуйста, зовите меня Люси.

– Конечно, – сказал он с изящным поклоном. – Тогда Люси.

«Наверное, следует предупредить его, что на него нападут и поколотят».

А может, и не надо его предупреждать. Люси улыбнулась ему.

– Милорд, в извинениях нет никакой необходимости, признаю, что и я, возможно, приложила руку к нашим недоразумениям.

Конечно, приложила, попросив прачку в третий раз накрахмалить его галстуки.

Они молча шли по живописной тропинке. Ярко-желтые полевые цветы весело светились под дубами, пятна солнечного света падали на них сквозь листву. Имей Люси такие склонности, она назвала бы обстановку весьма романтической.

«Скажи что-нибудь. Говори с ним. Отвлеки его, – услышала она шепот отца. – Не позволяй ему что-нибудь заподозрить».

– Полагаю, вы скучаете по Лондону, – сказала Люси. Большинство мужчин, с которыми работал ее отец, жаловались на необходимость жить в Хэмпстеде, вдали от привычного клуба и аукциона «Таттерсоллз».

– Нисколько, – ответил Клифтон. – Я считаю жизнь в Лондоне неизбежным злом. И предпочитаю провинцию.

Искренность и честность его ответа изумила Люси. Сама она никогда не ездила в Лондон и любила тишину Хэмпстедской пустоши.

Хуже того, она обнаружила, что у них с графом есть нечто общее.

– Да, но вы должны скучать по светскому обществу и развлечениям, – настаивала она, не желая признавать хоть какую-то общность между ними. – Сезон ведь в полном разгаре? Конечно, удовольствия Мейфэра и все тамошние хорошенькие леди вам куда больше по вкусу, чем Герти из «Трясины и пустоши».

Споткнувшись, он взглянул на нее сверху вниз.

– Простите, что?

– Герти. В «Трясине и пустоши». В гостинице, где вы и ваш брат остановились. Герти всегда с удовольствием развлекает папиных учеников. – Люси понизила голос: – Но боюсь, она стала старовата для своего дела. – Люси с удовлетворением наблюдала, как лицо графа порозовело и он изо всех сил пытался переварить услышанное.

Скорее всего, он впервые в жизни обсуждал распутную девку из таверны с леди.

– Я... я... иными словами, я не свел знакомства... и не буду обсуждать такую персону...

– Герти, – подсказала она. – Ее зовут Герти. О, вам не нужно быть столь щепетильным со мной, милорд. Мне двадцать три, и я хорошо понимаю, каким ремеслом занимается Герти...

– Смотрите под ноги, мисс Эллисон, – торопливо перебил он ее и обвел вокруг кучи, оставленной лошастью.

О да, теперь она привела его в замешательство. И поэтому невозмутимо продолжала:

– Уверена, что лорд Роч нашел ее весьма подходящей.

«А я – нет...»

– Вы могли бы подумать о возвращении в Лондон на сезон, – Люси продолжала нести чепуху, как Марианна, – чтобы найти жену.

– Что-о?

Она готова поклясться, что граф вздрогнул.

Значит, граф Клифтон боится супружества. Что ж, она этим воспользуется.

– Жену, – повторила Люси. – Графиню. Леди с хорошей родословной, чтобы снабдить вас наследником, и не одним.

– Да, я знаю, для чего нужна жена, – ответил Клифтон.

– Разве вас не тревожит, что вы оставите свой титул без наследника? – Сделав паузу, Люси понизила голос: – В случае, если вы не вернетесь.

Он бросил на нее быстрый взгляд, в его глазах вспыхнул намек на раздражение.

О, и тут она попала в цель.

- У меня есть дядя, который наследует мне, - натянуто сказал граф.

- Превосходно. Он женат?

- Да.

- Значит, разумный человек?

Клифтон долго молчал.

- Не особенно, - наконец ответил он.

- Как неудачно. Но возможно, у него есть наследники с необходимыми достоинствами? - спросила она.

- Да. Два сына. - Ответ походил на ворчание собаки, бросившейся на кость.

Люси с трудом сдержала усмешку. О, теперь он в ее руках. Следующую реплику она готовила очень тщательно.

- Так что вы женитесь, когда вернетесь, то есть если вернетесь.

Его брови сошлись на переносице, рука напряглась.

Люси подумала, не зашла ли она слишком далеко.

- Я вернусь. - Он сказал это с решимостью сменить тему, словно вел обычную светскую беседу.

Но его решимости оказалось недостаточно, чтобы остановить Люси.

- Конечно, вернетесь, милорд. Наверняка. - Она погладила его руку, словно утешая после проигранного пари. Затем продолжила: - Какую леди вы будете искать?

– Простите, что? – Граф споткнулся. Люси ждала, когда он справится со своими ногами и к нему вернется самообладание, прежде чем кинжалом вонзить в него следующий вопрос.

– Вашу графиню. Как вы узнаете, что встретили ее?

– Я над этим не слишком задумывался, – ответил он тоном, не терпящим возражений.

Но Люси не унималась.

– Большинство мужчин терпят неудачу в таких делах.

– Неудачу?

– Да, неудачу. И весьма ощутимую. Мужчины обычно не задумываются над тем, с какой именно женщиной хотели бы провести жизнь. Они выбирают женщину, как скаковую лошадь.

– В выборе невесты есть нечто большее, – чопорно ответил Клифтон.

– Что вы хотите этим сказать? – как ни в чем не бывало спросила Люси.

Граф понятия не имел, что Люси расставила ему ловушку.

– Полагаю, что я учту родословную леди. – Он сказал это так высокомерно, что Люси захотелось, чтобы Расти и Сэмми появились прямо сейчас и спасли ее от занудной лекции. – У нее должно быть безупречное образование, изысканные манеры, умение держать себя в обществе.

– Именно это я и сказала. Так выбирают скаковую лошадь, – повторила Люси.

– Ничего подобного.

Она остановилась.

- Родословная, обучение и внешний вид. Разве вы не это сказали?

- Вы правы.

- Это характеристика породистой лошади, милорд. - Дальше они шли молча.

Графу явно не нравилось, что ему указывали на недостатки его плана. И сравнение его будущей невесты с арабским скакуном на Ньюмаркет тоже было не по душе.

- Мисс Люси, есть одно различие, которое вы забыли учесть.

- Какое именно? - спросила Люси, намереваясь обратить все в шутку.

Клифтон посмотрел на нее, его темные глаза горели так, что Люси пробрала дрожь.

Люси попыталась взять себя в руки. Это была не вина, не гнев и даже не страх. Но нечто иное. Чего она даже не хотела знать.

По крайней мере не с ним. Когда граф Клифтон смотрел на нее так, его взгляд напоминал ей, что она женщина и что он очень красивый мужчина.

Слишком красивый.

- Я никогда не любил лошадь, - сказал он. - Но я буду любить мою будущую графиню. Я не женюсь без любви.

На сей раз споткнулась Люси.

Глава 4

- Л-любовь? - заикаясь, произнесла Люси.

– Да, любовь. – Посмотрев на нее, Клифтон не сомневался, что поток их беседы изменился. Вернее, сбил Люси с высокомерной позиции. Внезапная перемена положения вызвала в нем грешное желание ответить ударом на удар. – Вы о ней слышали?

– Конечно, слышала, – отрезала Люси.

– И были влюблены?

– Милорд, вряд ли это...

– Прилично? – Клифтон пожал плечами. – Вероятно, нет. Но я мог бы напомнить вам, Люси, что именно вы начали разговор на эту тему.

– Я не подразумевала... – Она шумно втянула воздух. – То есть я не ожидала...

– Что ветер переменится? – Клифтон улыбнулся. – «Решили направить на меня шпагу брака?»

О, она на некоторое время загнала его в угол, но теперь...

– Люси, вы когда-нибудь были влюблены? – снова спросил он.

– Нет. Конечно, нет.

– И ни один из обожателей не покорил вас? – Клифтон придвинулся чуть ближе, Люси не двинулась с места.

– Я не того сорта, милорд. – Люси перекладывала корзину из одной руки в другую, пока та не повисла перед ней, как хрупкая и шаткая баррикада.

Отлично. Она занервничала.

Так и должно быть.

– Полагаю, что нет. – Он поглядел на корзину между ними, затем на нее. – Не того сорта. – Он продвинулся немного ближе, и на сей раз она немного отступила, корзинка выскользнула из ее пальцев.

«Попробуй очаровать ее», – предложил Малком.

Так Клифтон и сделал, хищно улыбнувшись Люси.

Во взгляде Люси появилась настороженность.

– По-вашему, я не стою того, чтобы меня очаровывали?

– Просто вы не из тех леди, которые поощряют мужчин взглянуть на себя дважды...

– Милорд, я определенно не...

– Нет-нет, мисс Эллисон, выслушайте меня, пожалуйста. Если вы хотите, чтобы мужчина влюбился в вас, он должен посмотреть дважды. – Что Клифтон и сделал. Умолкнув на мгновение, он пристально посмотрел на нее. – Только, чтобы удостовериться.

Люси подбоченилась и сдвинула брови. Эта неестественная поза грубой, скандальной женщины должна бы оттолкнуть его.

Но мисс Люси Эллисон зажгла в нем огонь.

В ее зеленых глазах был вызов. Буйные черные волосы поднимались над ее хорошеньким лицом подобно венцу язычницы Боудикки. Воинственной особы, не желающей смягчаться ни на йоту. Из тех горячих дев, которые своей смелостью воспламеняли королей. Мужчины были готовы на все, чтобы добиться их расположения.

Люси Эллисон привлекательная, фигуристая девица. Не тонкая дебютантка, не канонический прототип фарфоровой статуэтки. Нет, она обладает достоинствами, от которых у мужчин кружится голова. Точнее, закипает кровь в жилах.

Клифтон не поверил Люси, когда она сказала, что никогда не влюблялась.

Он широко улыбнулся Люси.

– Вы соображаете, что делаете, лорд Клифтон? – спросила девушка, снова отступив.

– Смотрю второй раз.

Люси мгновенно поняла, что граф собирается ее поцеловать.

И хотя на подобную наглость следовало бы ответить пощечиной, Люси всем своим существом мечтала, чтобы граф сделал это.

«Он самонадеянный болван, Люси Эллисон. Неужели ты этого не понимаешь?»

«Я не женюсь без любви».

Эти слова бросали вызов всем ее представлениям о нем.

Он произнес их как клятву, было ясно – не полюбив, он не женится.

Эти слова нашли отклик в душе Люси, она почувствовала тоску, поскольку всегда мечтала о такой любви. Люси Эллисон храбрилась, делала вид, будто все в порядке, была надежной опорой для своей экстравагантной семьи, но глубоко внутри тосковала по гораздо большему.

По мужчине, который полюбит ее со всеми ее недостатками и безрассудством... полюбит, несмотря на ее происхождение, на родителей и нетрадиционное воспитание.

Полюбит потому, что сочтет ее самой замечательной женщиной на свете.

И когда лорд Клифтон объявил, что смотрит на нее второй раз, у нее перехватило дыхание.

Он смотрел на нее так, будто именно она та женщина, которую он искал. В глазах его горел огонь страсти.

Он направился к Люси, чтобы обнять ее, накрыть губами ее губы.

«Как этот мужчина вдруг стал таким красивым, обаятельным, таким желанным?» – думала она.

Почему она раньше не заметила, что его глаза темно-синего цвета, что они горят опасным огнем? Почему не увидела резко очерченный подбородок, широкие плечи.

Но к великому огорчению Люси, этот золотой миг, этот волшебный шанс – первый настоящий поцелуй – совпал с моментом, когда Расти и Сэмми решили выскочить из засады.

В какой-то миг Клифтон решил овладеть Люси прямо здесь и сейчас.

Отвлеченный ее полными, нежными губами, мыслью о ее пышной...

И в этот момент он почувствовал слепящую боль в затылке. Искры замелькали перед глазами и только единственная мысль звенела в голове.

«Никогда не позволяй себе отвлекаться».

Это был первый принцип Джорджа Эллисона, который он вбивал в головы Клифтона и Малкома с того дня, когда они переступили порог его кабинета.

«Никогда не позволяй себе отвлекаться».

А он отвлекся. В Хэмпстеде. На единственной тропинке, ведущей в деревню. Через час после того, как Эллисон пробормотал эти самые слова, кажется, в сотый раз.

И все же он отвлекся, сильно отвлекся. Его отвлекла особа, о флирте с которой он и помыслить не мог.

Покачнувшись, Клифтон повернулся к противнику.

Точнее, к противникам.

Он моргнул несколько раз, и пятно перед ним превратилось в две фигуры, ближе к нему стоял огромный детина с огненными волосами. Не тратя времени попусту, без всяких прибауток он саданул мясистым кулаком графу в живот, выбив воздух из легких и опрокинув его.

«Значит, это будет та еще драка», – подумал Клифтон, он снова поднялся, смаргивая искры в глазах и сжав кулаки.

Да, он отвлекся. На мгновение.

Но сейчас все его внимание сосредоточилось на этих двух парнях.

Люси тоже приземлилась на утрамбованной земле, рядом с давно забытой корзинкой. Она выругалась, используя любимое выражение отца, за которое в нежном семилетнем возрасте ее отчислили из пансиона для юных леди миссис Фишвик. Вместо того, чтобы тревожиться из-за собственной неосмотрительности – из-за проклятия, а не из-за поцелуя, – она отбросила упавшие на лицо своенравные пряди, мешавшие разглядеть, что происходит.

Зрелище было не из приятных.

Расти и Сэмми, что называется, загнали графа в угол, за спиной у него изгородь, и никакой надежды на спасение.

– Боже милостивый, – с трудом выдохнула Люси. Она ведь хотела посмотреть, как графа немного потреплют, такое желание было у нее прежде...

До того, как он собрался поцеловать ее. До того, как дразнил. Искушал. Поменялся с ней ролями. До того, как отвлек ее так, что она забыла о Расти и

Сэмми, о планах ее отца.

А теперь? Прежде чем она сумела выговорить хоть слово, которое могло остановить побоище, вперед ринулся Сэмми.

Люси зажмурилась. «Я не могу этого видеть. Не могу!»

Она знала, что случится дальше. Сэмми вцепится в жертву медвежьей хваткой, а Расти огромными кулаками пройдет по торсу графа, ломая ребра, как яичные скорлупки.

Конечно, реального вреда ему не причинят, но...

– Не выйдет, мерзавцы, – услышала она низкий голос графа. Так мастиф рычит, прежде чем впиться в ногу вора.

Ее ресницы взметнулись как раз в тот момент, когда Сэмми, которого граф стряхнул, словно блоху, полетел на землю. Воздух шумно вырывался из его легких, ошеломленный Сэмми растянулся на тропинке недалеко от Люси.

Она смотрела в огорошенное лицо опытного драчуна, на котором было написано: «Как это могло случиться, черт побери?» – потом глаза его закатились, и Сэмми потерял сознание.

Клифтон стряхнул Сэмми?! Нет, поправила себя Люси, он прикончил Сэмми.

Люси вздрогнула: пророчество отца всплыло в ее памяти.

«Я знаю, ты считаешь Клифтона занудным болваном, но, думаю, он удивит тебя, Гусси». Окинув взглядом двух мужчин, все еще державшихся на ногах, Люси судорожно сглотнула.

– Что, немного повезло, хозяин? – Расти вскинул голову, словно петух, готовый победно прокукарекать.

К несчастью для него, этот момент наглости дорого ему обошелся.

Клифтон бился не как дворянин, по правилам спортивного клуба для джентльменов.

Нет, он дрался, как сын кузнеца.

Нырнув вперед, он ударил головой Расти в живот, оба полетели на землю и покатались. Беспорядочно мелькали кулаки, со зловещим звуком влепляясь в цель, проклятия неслись над землей, словно клубы пыли; внезапно все стихло, борьба прекратилась.

Люси разинула рот, вернее, он уже давно был открыт: Клифтон прижал Расти к земле и, вскинув твердый кулак, готов был нанести последний страшный удар.

– Нет! – закричала Люси, вскочив, и поймала руку графа. – Не бейте его.

Он повернулся к ней, его глаза были полны ярости.

– Какого черта?

Дыхание Люси застряло в горле, поскольку она никогда не видела человека, столь разъяренного. Его глаза сверкали злобой, она чувствовала его огромную силу, едва обузданную и готовую вырваться из-под контроля.

Люси дрожала, но держалась стойко, предупреждение отца эхом вривалось в лихорадочные мысли.

«Он себя еще покажет».

Покажет? Это было преуменьшением.

Граф потряс ее. Он сумел соблазнить ее, она готова была поцеловать его, а теперь...

О господи! Его рука вздрагивает от ярости под ее пальцами, и Люси... она не хотела знать, какие чувства это в ней вызывает.

Возникшее у нее стремление оказаться в кольце этих рук, ощутить его твердый торс у своей груди, его властные губы у своих губ – вот чего жаждала Люси.

Особенно теперь, когда она точно знала, на что он способен.

Он чуть отвел руку.

– Это почему же нельзя прибить этого негодяя?

– О господи! Милорд, ему полагалось это сделать, – цепляясь за Клифтона, бормотала Люси, совершенно уверенная, что он собирается отправить Расти к праотцам.

Занесенный кулак Клифтона завис в воздухе, потом напряженные, готовые к бою мышцы, дернувшись, стряхнули руку Люси.

Выбравшись из-под графа, Расти подполз к своему другу и повернул его. Сэмми со стоном попытался сесть.

– Что случилось, черт побери? – причитал он, подняв руку к голове, один его глаз уже заплыл. – Меня карета сбила?

– Мисс Люси! Я требую объяснений! – Клифтон поднялся и потянулся за укатившейся шляпой, которая остановилась у корзины. Отряхнув брюки и прочесав пальцами волосы, он водрузил высокую касторовую шляпу на голову. – Что все это значит?

Люси, моргая, уставилась на него, поскольку это снова был он. Тот самый высокомерный требовательный тип, которого она готова была полчаса назад бросить львам.

«Больше того, Люси, это мужчина, с которым ты так хотела поцеловаться».

– Я требую немедленного объяснения! – приказал он.

Она не знала, что злит ее больше: отсутствие рядом клетки со львами, чтобы запихнуть его туда, или слишком скорое появление Расти и Сэмми.

Но его резкого тона и высокомерного изгиба бровей было достаточно, чтобы Люси вернулась в свой безопасный и привычный мир, в котором она этого мужчину терпеть не могла.

- Думаю, это совершенно очевидно, милорд.

Отряхнув юбки, она направилась к поверженным Расти и Сэмми, сидевшим в пыли. Опустившись на колени, чтобы осмотреть раны приятелей, она сказала:

- Этих парней наняли, чтобы испытать вас.

- Испытать меня? - Клифтон возвышался над ней, властный, до мозга костей надменный и высокомерный аристократ, от которого она так счастливо отделалась.

Но теперь... Она посмотрела в его красивое, хотя и разъяренное лицо. Бросила взгляд на его губы, которые едва не слились с ее губами в поцелуе.

- Да, испытать вас. - Вздрогнув, она оглядела побитых бедолаг. - Сэмми, у тебя жуткий фонарь под глазом будет. - Она мягко коснулась его обветренной щеки, затем посмотрела на кровоточащий нос Расти: - Боюсь, и ты не намного лучше. - Поднявшись, Люси снова отряхнула юбки и повернулась к Клифтону: - И у вас кровь. И ваш глаз... - Она вздрогнула.

Он провел по лицу тыльной стороной ладони и поморщился от боли, но со всем высокомерием джентльмена отказался уступить.

- Не имеет значения, - сказал он в обычной надменной манере.

Но Люси не проведешь.

- Когда завтра у вас глаз заплывет, а кровоподтеки отобьют интерес даже у старой Герти, вы не так заговорите. - Она вздохнула. - Что ж, не остается ничего другого, как отвести вас домой и полечить.

Люси подошла ко все еще раскачивающемуся Сэмми, чтобы помочь подняться, но он был слишком тяжел для нее, и она плюхнулась рядом с ним. Глянув через плечо, она произнесла столь же властным, как у графа, тоном:

– Вы тоже могли бы помочь, милорд, похоже, вы единственный твердо стоите на ногах.

– Ну полно, Сэмми. – Люси, суетясь на кухне, протянула бедняге сырой бифштекс. – Это должно помочь.

Она старательно избегала смотреть на графа, ошеломленная не меньше Сэмми.

Как могла она так ошибиться в графе Клифтоне?

Вопреки голосу разума, она украдкой взглянула на него и увидела, что он пристально смотрит на нее.

Хоть убей, она понятия не имела, о чем он думает, или, хуже того, что он думает о ней.

«Меня это не волнует. Ни в малейшей степени».

Сэмми застонал, и Люси, качая головой, приложила бифштекс к его лицу.

– Никогда не слышала, чтобы мужчина так волновался из-за синяка под глазом.

– Такого со мной давненько не случилось, – признался Сэмми, осторожно прижимая кусок сырого мяса к распухшему глазу.

Расти фыркнул:

– Эй, хозяин, где вы научились драться, как вышибала?

Люси замерла, поскольку жаждала задать этот вопрос с того момента, как граф нанес первый удар. И при этом не смела снова оглянуться на Клифтона,

сидевшего за столом с пинтой пива. Он настоял на том, чтобы она сначала позаботилась о Расти и Сэмми, поскольку они сильнее пострадали.

Прятели действительно сильно натерпелись от его более чем умелых рук.

Боже милостивый, никогда в жизни она так не боялась за французов.

– Да, – поддержал Сэмми. – Где красавчик вроде вас научился кулаками махать?

Клифтон усмехнулся.

– Я, можно сказать, получил образование из рук настоящего хулигана, – ответил он. – Сын бондаря в деревне неподалеку от тех мест, где я рос, был настоящим буйном. Он постоянно подстерегал нас с братом. Выбор у нас был невелик: или научиться справляться с дебоширом, или постоянно ходить с подбитыми глазами. И хуже того, объяснять нашему отцу, почему мы всегда проигрываем.

– Значит, вас испортил деревенский парень? – фыркнул Расти. – А я-то считал вас неженкой. Крысолов сказал нам, что вы джентльмен.

Люси вздрогнула, поскольку знала, что произойдет дальше.

– Крысолов? – поднял бровь граф.

Он должен был задать этот вопрос.

– Это прозвище моего отца, – ответила Люси, надеясь, что на этом разговор закончится.

Но Расти и Сэмми были другого мнения.

– Да, Крысолов. – Расти поднял стакан в шутовском приветствии. – Не было в Севен-Дайалс человека, который завоевал себе такое доброе имя. Он не из тех, кто забывает старых друзей. И не в его правилах с нами дурно обращаться. Мы никогда не встречали такого, как вы, из лондонских шишек, особенно графа.

– Теперь встретили, – заметила Люси, нарезая на куски мясо. – Позвольте напомнить, что эта «лондонская шишка» – граф Клифтон, к тому же он судья...

Граф кивнул.

– ... так что придержите языки, оба.

– Однако деретесь вы совсем не как граф. – Расти отхлебнул пива.

– Полагаю, что так, – признал Клифтон. – Жизнь полна неожиданностей.

Люси готова была поспорить на свое розовое шелковое платье – самое красивое из своих нарядов, – что граф смотрит на нее, его пристальный взгляд, полный вопросов и обвинений, сверлил ей спину.

У нее не было намерения отвечать. Вместо этого она воткнула нож в кусок мяса и отрезала толстый ломоть, стараясь не обращать внимания на трясущиеся руки.

– И что такой распрекрасный тип вроде вас делал, болтаясь с деревенскими парнями, вместо того, чтобы сидеть дома? – спросил Сэмми.

– Нам с братом нравилось ходить в деревню и навещать его мать. Мы сводные братья, его мать хозяйничала в местной пивной. В юности я много времени провел, слоняясь по деревне, к большому огорчению моего наставника.

– Ну, явно не этот очкарик научил вас так драться. – Расти качнул стаканом в сторону графа, подчеркивая свои слова.

– Да уж. – Клифтон налил им обоим пива и добавил себе. – Он считал меня своей самой большой неудачей.

– Не расстраивайтесь из-за этого, – сказал Сэмми. – Человек, который может одолеть нас двоих, никогда не проиграет. Если хотите, можем действовать втроем. Есть у нас небольшой бизнес.

– Хочу напомнить, что вы разговариваете с человеком, который заседает в палате лордов, – вставила Люси и украдкой посмотрела на графа. Их взгляды встретились, и она снова угодила в ловушку.

Его глубокие синие глаза, казалось, потемнели, и она поймала себя на том, что не в силах отвести от него взгляд. Люси готова была поклясться, что слышит его властный голос: «Не думайте, что все так легко уладится, Люси».

Она резко отвела взгляд и принялась яростно кромсать мясо.

Сзади хихикнул Расти.

– Сдается мне, что не тому типу ваш папаша платил за науку, милорд. Нужно было нанять этого парня из деревни. Судя по всему, он походил на старого Бруно из Севен-Дайалс. Помнишь его, Сэмми? Он всегда рвался в бой. Трусы по норам прятались.

– Полагаю, это он научил вас левому хуку. – Клифтон взял бифштекс, который Люси подала ему на кончике большой вилки. Когда он неумело приложил мясо к распухшему глазу, она приладила бифштекс на место, направляя руку графа.

Это было ошибкой. Как только их пальцы соприкоснулись, огонь, охвативший ее на тропинке, когда граф держал ее в объятиях, собираясь поцеловать, снова молнией пронзил Люси, застигнув врасплох и шокировав так, что у нее дыхание перехватило.

Не глядя на Клифтона, Люси ринулась к раковине помыть руки в надежде, что холодная вода погасит огонь желания.

– Да, он, – гордо ответил Сэмми. – Не ожидали такого удара, верно?

– Не ожидал, – признал Клифтон. – Но не думаю, что это сработает во второй раз.

– Это вроде того фокуса, которым ты сбила спесь с Монди Моггза. Да, Гусси? Отлично его разделала, правда, девочка? – хлопнул себя по колену Сэмми. – В нашей части Севен-Дайалс не было девчонки с лучшим правым хуком, чем у нашей Гусси.

Люси, все еще стоя спиной к графу, съежилась и зажмурила глаза.

– Сэмюел Траунсер! Я не имею ни малейшего понятия о...

– Ах, как это на тебя похоже, Гусси. – Сэмми лишь отмахнулся от ее протестов. – Ты столь же скромная, сколь сладкая. – Повернувшись к графу, он подмигнул. – Не позволяйте этому нежному личику и сладким губкам одурачить вас, хозяин. Если желаете себе добра, то не перечьте нашей девочке. Она без размышлений вам наподдаст. Только спросите у старины Монди.

– Ну хватит! – Люси указала на дверь. – Еще одно слово, мистер Траунсер, и вы будете... – Люси оборвала угрозу на полуслове, краем глаза заметив, как Клифтон, подняв бровь, с лукавой улыбкой наблюдает за ней.

Вот негодяй! Рассердившись, Люси поспешно отвернулась. Он наверняка считает ее обиду забавной.

– А ваш брат тоже освоил этот удар левой? – спросил Расти, меняя тему.

– Нет, – не сразу ответил Клифтон, отведя взгляд от Люси. – Но с моей стороны было бы большой небрежностью умолчать о том, как он действует справа, – усмехнулся он, и все трое подняли стаканы в заговорщическом тосте.

Люси вытерла руки и подбоченилась.

– Теперь мне все ясно. Ну и прохиндеи же вы, выискиваете хитрые способы вместо честной борьбы. Стыдитесь. Вы ведете себя как два старика.

– Старики?! – возмутился Сэмми. – Думаешь, я хочу вернуться в Севен-Дайалс в еще худшем виде, чем сейчас? Я должен поддерживать свою репутацию.

– И я тоже, малышка Гусси, – добавил Расти. – Теперь все только и будут говорить о том, что нас избили.

– Да, понадобится чертова уйма времени, чтобы это забыть, – добавил его приятель. – На физиономию смотреть страшно. – Тронув щеку, он поморщился от боли.

– Точно, Люси, – вмешался Клифтон. – Ни одному мужчине не нравится быть обманутым. И обмана он не забывает.

Граф поднял стакан, но Люси не понимала, что это тост. Этим жестом Клифтон дал ей понять, что думает об ее участии в этом деле.

И что он не из тех, кто забывает.

Когда кувшин опустел, граф, обменявшись рукопожатием с бывшими противниками, пожелал им всего наилучшего и поднялся наверх.

Как только он ушел, она, тряхнув головой, повернулась к паре плутов.

– Я должна сказать отцу, что вас побили?

– А мы должны сказать твоему отцу, что ты и этот красавчик собирались делать, когда мы вам помешали? – прищурился Сэмми.

Вот прохвост! Он ее поймал.

– В этом нет необходимости, – ответила она, краснея.

– Думаю, что ты должна нам немного больше обычного, – сказал Расти. – За наши неприятности и все прочее.

Больше всего Люси хотелось настоять на своем, но она знала, что этих двух пройдох не проведешь. Они не упустят шанса пополнить свои карманы.

Сердито вздохнув, она подошла к буфету и достала старую синюю сахарницу. Порывшись в ней, она вытащила на несколько монет больше, чем обычно, и решила перед следующим визитом этой парочки переставить сахарницу в другое место.

– Я так и думал, Гусси, девочка моя, – сказал Сэмми, когда она опустила желтые кругляши в его ладонь. – Это не твой тип, если ты не против того, чтобы я

высказался. Ты разумная девушка. Не из тех, кого можно одурачить красивыми словами и сладкими речами. Но я напому тебе, что он никогда не будет любить тебя так, как один из нас.

Люси указала на дверь, Расти и Сэмми направились к выходу.

– Да, Гусси, только слово скажи... – Расти, сняв шляпу, дерзко подмигнул ей и, прежде чем она вытолкнула его за дверь, на ходу сунул в карман бифштекс графа.

– Не стоит обо мне беспокоиться, – бросила она вслед, когда Расти и Сэмми двинулись по садовой дорожке. – Я знаю, что такие, как он, никогда не предложат девушке вроде меня ничего, кроме пустых обещаний.

«О, но за тот миг...»

В тот миг она, похоже, позволила себе предположить, что граф Клифтон дважды посмотрит на нее.

Что он заглянет за стены, которые она выстроила вокруг своего сердца, пожелает и даже посмеет их разрушить.

И когда ворота закрылись за двумя приятелями, звякнув, словно предупреждение, Люси невольно посмотрела на окно кабинета отца.

«Но это не значит, что я не могу влюбиться в него».

Глава 5

Клифтон вышел из кабинета мистера Эллисона в четверть первого ночи, голова у него гудела от обилия информации, которую наставник пытался в него вложить.

Или это последствия встречи с Расти и Сэмми?

И с Люси...

Теперь нечего это отрицать. Она для него Люси.

Он отбросил эту мысль. Во всяком случае, попытался, как делал это большую часть дня, то гневаясь, что эта девчонка его провела, то сожалея, что промедлил и не воспользовался своим преимуществом.

Тогда по крайней мере в дополнение к головной боли он знал бы вкус ее сладких влекущих губ.

– Мы со времен Кембриджа столько не учили, – бормотал позади него Малком. – Не помню, чтобы Темпл или Джек упоминали об этом, когда приехали вербовать нас.

– Кого ты пытаешься обмануть? Начнем с того, что ты никогда не учился в школе, – бросил через плечо Клифтон. – Не говоря уже о том, что ты вряд ли способен вспомнить, что Темпл и Джек рассказывали той ночью.

– О, это был прекрасный вечер. – Малком расплылся в улыбке. – Темпл отлично разбирается в кларете. Я тогда согласился бы на любые его предложения, так опьянел. – Но потом интерес Малкома переключился на более насущные заботы. – Черт, я умираю с голоду, и в горле пересохло. Даже не знаю, чего хочу больше – есть или пить.

Клифтон согласился, но не высказал этого вслух. К его удивлению, в доме было необычно тихо, поэтому тишина действовала на нервы и настораживала.

Именно тишина заставляла их торопиться, поскольку малейшая оплошность могла разбудить Эллисона, который наконец задремал в кресле у камина.

Если он проснется, то может начать вдабливать новый перечень того, что «следует знать», с него станется.

Нет, этого шанса Клифтон и Малком ждали долго и, многозначительно переглянувшись, улизнули, как только их наставник всхрапнул.

«Черт, надеюсь, у хозяйки гостиницы горшок с супом еще на огне», – говорил взгляд Малкома.

«И добрая бутылка кларета», – молча кивнул Клифтон.

Если повезет, подумал граф. Он настолько устал, что скорее всего и половины бутылки ему будет достаточно, чтобы погрузиться в глубокий сон, где заботы о возвращении домой живым не будут конкурировать с видением Люси и ее сочных, зовущих губ.

Поскольку в те мгновения, когда они неторопливо шли по тропинке, когда ловкая рука Люси лежала на его рукаве, ее остроумные реплики заставляли его мысли выходить за пределы обычных тем, которые обсуждают с дамами, и он оказался... не увлечен, конечно, нет, но все же...

Точно так же он не понимал, что навело его на мысль поцеловать ее. Хорошо, факт, что она хорошенькая, возможно, имеет к этому отношение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/boyl_elizabet/stan-moeysud-boy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)